

Dohnal, Josef; Radiščev, Aleksandr Nikolajevič

Александр Николаевич Радищев (1749-1802)

In: Dohnal, Josef. *Русская литература XVIII века. Избранные тексты II., Хрестоматия.*
1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2014, pp. 243-278

ISBN 978-80-210-7065-3; ISBN 978-80-210-7068-4 (online : Mobipocket)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/130403>

Access Date: 26. 03. 2025

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Александр Николаевич Радищев

(1749–1802)

Радищев стал одним из наиболее известных русских писателей, благодаря произведению «Путешествие из Петербурга в Москву». Власти на книгу реагировали немедленно. Какие последствия это имело для его жизни? В чем можно усмотреть в «Путешествии из Петербурга в Москву» тенденцию продолжать традицию жанров сентиментализма и в чем писатель от нее отходит?

По идеям, выражаемым в произведениях Радищева, можно считать, что он близок другим писателям второй половины XVIII века. Которым именно?

Название радищевской оды «Вольность» напоминает о лозунге французской революции 1789 г. Как звучит этот лозунг по-французски, по-русски и по-чешски?

ВОЛЬНОСТЬ Ода

1

О дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти да смятутся¹
От гласа твоего цари.

¹ Седяй во власти... – пусть будут охвачены смятением сидящие на троне.

2

Я в свет исшел, и ты со мною;
На мышцах нет моих заклеп;
Свободно могу рукою
Прияти данный в пищу хлеб.
Стопы несу, где мне приятно;
Тому внемлю, что мне понятно;
Вещаю то, что мыслю я.
Любить могу и быть любимым;
Творя добро, могу быть чтимым;
Закон мой – воля есть моя.

3

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборный всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно;
Для пользы общей нет препон.
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю:
Вот что есть в обществе закон.

4

В середине злачныя долины,
Среди тягченных жатвой нив,
Где нежны процветают крины,
Средь мирных под сеньми олив,
Паросска мрамора белее,
Яснейша дня лучей светлее,
Стоит прозрачный всюду храм;
Там жертва лжива не курится,
Там надпись пламенная зрится:
„Конец невинности бедам“.

5

Оливной ветвию венчанно,
На твердом камени седяй, -
Безжалостно и хладнонравно,
Глухое божество, судяй,
Белее снега во хламиде
И в неизменном всегда виде;
Зерцало, меч, весы пред ним.
Тут истина стрежет десную,
Тут правосудие – ошую:
Се храм Закона ясно зрим.

6

Возводит строгие зеницы,
Льет радость, трепет вкруг себя,
Равно на все взирает лица,
Ни ненавидя, ни любя;
Он лести чужд, лицеприятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенных тли;
Родства не знает, ни приязни,
Равно делит и мзду и казни;
Он образ божий на земли.

7

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,
Но полны челюсти отрав,
Земные власти попирает,
Главою неба досязает,
„Его отчизна там“, - гласит.
Призраки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет
И слепо верить всем велит.

8

Покрывши разум темнотою
 И всюду вея ползкий яд,
 Троякою обнес стеною
 Чувствительность природы чад;
 Повлек в ярем порабощевья,
 Облек их в броню заблужденья,
 Бояться истины велел.
 „Закон се божий“, - царь вещает;
 „Обман святой, – мудрец взывает, -
 Народ давить что изобрел“.

9

Воззрим мы в области обширны,
 Где тусклый трон стоит рабства,
 Градские власти там все мирны,
 В царе зря образ божества.
 Власть царска веру сохраняет,
 Власть царску вера утверждает,
 Союзно общество гнетут:
 Одно сковать рассудок тщится,
 Другое волю стерть стремится;
 „На пользу общую“, – рекут.

10

Покоя рабского под сенью
 Плодов златых не возрастет;
 Где все ума претит стремленью,
 Великость там не прозябет.
 Там нивы запустеют тучны,
 Коса и серп там несподручны,
 В сохе уснет ленивый вол,
 Блестящий меч померкнет славы,
 Минервин храм стал обветшалый,
 Коварства сеть простерлась в дол.

11

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, царь,
На тройном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
„По воле, – рек, щажу злодея,
Я властью могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно, все смятется;
Живешь тогда, велю коль жить“.

12

И мы внимаем хладнокровно,
Как крови нашей алчный гад,
Ругался всегда бесспорно,
В веселы дни нам сеет ад.
Вокруг престола все надменно
Стоят коленопреклоненно.
Но мститель, трепещи, грядет.
Он молвит, вольность прорицая, -
И се, молва от край до края,
Глася свободу, протечет.

13

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главой паря.
Ликуйте, склепанны народы!
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

14

И нощи се завесу лживой
 Со треском мощно разодрав,
 Кичливой власти и строптивой
 Огромный истукан поправ,
 Сковав сторучна исполина,
 Влечет его, как гражданина,
 К престолу, где народ воссел:
 „Преступник власти, мною данной!
 Вещай, злодей, мною венчанный,
 Против меня восстать как смел?

15

Тебя облек я во порфиру
 Равенство в обществе блюсти,
 Вдовицу призирать и сиру,
 От бед невинность чтоб спасти,
 Отцом ей быть чадолюбивым;
 Но мстителем непримиримым
 Пороку, лже и клевете;
 Заслуги честью награждати,
 Устройством зло предупреджати,
 Хранити нравы в чистоте.

16

Покрыл я море кораблями,
 Устроил пристани в брегах,
 Дабы сокровища торгами
 Текли с избытком в городах;
 Златая жатва чтоб бесслезна
 Была оратаю полезна;
 Он мог вещать бы за сохой:
 „Бразды своей я не наемник,
 На пажитях своих не пленник,
 Я благоденствую тобой“.

17

Своих кровей я без пощады
Гремящую воздвигнул рать;
Я медны изваял громады,
Злодеев внешних чтоб карать;
Тебе велел повиноваться,
С тобою к славе устремляться;
Для пользы всех мне можно все.
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

18

Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя
Себе в утеху быть венчанну,
Возмнил, что ты господь¹ – не я;
Мечом мои расторг уставы,
Безгласными поверг все правы²,
Стыдиться истине велел;
Расчистил мерзостям дорогу.
Взывать стал не ко мне, но к богу,
А мной гнушаться восхотел.

19

Кровавым потом доставая
Плод, кой я в пищу насадил,
С тобою крохи разделяя,
Своей натуги не щадил;
Тебе сокровищей всех мало!
На что ж, скажи, их не достало,
Что рубище с меня сорвал?
Дарить любимца, полна лести!
Жену, чуждающую чести!
Иль злато богом ты признал?

1 Господь – здесь: господин.

2 Безгласны ми поверг все правы... – самовластно нарушил законы.

20

В отличность знак изобретенный
 Ты начал наглости дарить;
 В злодея меч мой изощренный
 Ты стал невинности сулить;
 Стружженные полки в защиту
 На брань ведешь ли знамениту
 За человечество карать?
 В кровавых борешься долинах,
 Дабы, упившись в Афинах,
 „Ирой!“ – зевав, могли сказать.

21

Злодей, злодеев всех лютейший!
 Превзыде зло твою главу.
 Преступник, изо всех первейший!
 Предстань, на суд тебя зову!
 Злодейства все скопил в едино,
 Да ни единая преидет мимо
 Тебя из казней, супостат!
 В меня дерзнул острить ты жало!
 Единой смерти за то мало -
 Умри! умри же ты стократ!“

22

Великий муж, коварства полный,
 Ханжа, и льстец, и святотать!
 Един ты в свет столь благотворный
 Пример великий мог подать.
 Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
 Что, власть в руке своей имея,
 Ты твердь свободы сокрушил;
 Но научил ты в род и роды,
 Как могут мстить себя народы:
 Ты Карла на суде казнил.

23

Внезапу вихри восшумели,
Прервав спокойство тихих вод,
Свободы гласы так взгремели,
На вече весь течет народ.
Престол чугунный разрушает,
Самсон, как древле, сотрясает,
Исполненный коварств чертог,
Законом строит твердь природы.
Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителей, как сам есть бог!

24

И дал превыспренно стремленье
Скривленному рассудку лжей;
Внезапу мощно потрясенье
Поверх земли уж зрится всей;
В неведомы страны отважно
Летит Колумб чрез поле влажно;
Но чудо Галилей творить
Возмог, протекши пустотою,
Зиждительной своей рукою
Светило дневно утвердить.

25

Так дух свободы, разоря
Вознесшийся неволи гнет,
В градах и селах пролетая,
К величию он всех зовет,
Живит, родит и созидает,
Препоны на пути не знает,
Вождаем мужеством в стезях;
Нетрепетно с ним разум мыслит,
И слово собственностью числит,
Невежства чтоб развеет прах.

26

Под древом, зноем упоенный,
 Господне стадо¹ пастырь пас;
 Вдруг новым светом озаренный,
 Вспрянув, свободы слышит глас;
 На стадо зверь, он видит, мчится,
 На бой с ним ревностно стремится.
 Не чуждый вождь брежет свое;
 О стаде сердце не радело,
 Как чуждо было, не жалело;
 Но ныне, ныне ты мое.

27

Господню волю исполняя,
 До востока солнца на полях,
 Скупую ниву раздирая,
 Волы томились на браздах;
 Как мачеха к чуждоутробным
 Исходит с видом всегда злобным,
 Рабам так нива мзду дает.
 Но дух свободы ниву греет,
 Бесслезно поле вмиг тучнеет:
 Себе всяк сеет, себе жнет.

28

Исполнив круг дневной работы,
 Свободный муж домой спешит;
 Невинно сердце без заботы
 В объятиях супружних спит;
 Не господу рукой надменной,
 Ему для казни подаренной,
 Невинных жертв чтоб размножал;
 Любовью вождаем нежной,
 На сердце брак воздвиг надежный,
 Помощницу себе избрал.

¹ Господне стадо – стадо господина.

29

Он любит, и любим он ею;
Труды – веселье, пот – роса,
Что жизненностию своею
Плодит луга, поля, леса,
Вершин блаженства достигают,
Горячность их плодом стягчают
Всещедре бога; в простоте
Безбедны дойдут до кончины,
Не зная алчной десятины,
Птенцов что кормит в нагоде.

30

Воззри на беспредельно поле,
Где стерта зверства рать стоит:
Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не гряда правильно стремится,
Вождем тут воин каждый зрится,
Кончины славной ищет он.
О воин непоколебимый,
Ты есть и был непобедимый,
Твой вождь – свобода, Вашингтон!

31

Двулична бога¹ храм закрылся,
Свирепство всяк с себя сложил,
Се бог торжеств средь нас явился
И в рог веселья вострубил.
Стекаются тут громки лики,
Не видят грозного владыки,
Закон веселью кой дает;
Свободы, зрится тут держава;
Награда ей едина слава.
Во храм бессмертья что ведет.

¹ Двуличный бог – древнеримское божество Янус, изображавшийся с двумя лицами. Храм, построенный в его честь, был закрыт в мирное время; здесь: наступил мир.

32

Сплетясь веселым хороводом,
 Различия надменность сняв,
 Се паки под лазурным сводом
 Естественный встает устав;
 Погрязла в тине властна скверность;
 Едина личная отмениость
 Венец возможет восхитить¹;
 Но не пристрастию державну,
 Лишь опытностью старцу славну,
 Его довлеет подарить.

33

Венец, Пиндару возложенный,
 Художества соткан рукой;
 Венец, наукой соплетенный;
 Носим Невтоновой главой;
 Таков, себе когда мечтая,
 На крыльях разума взлетая,
 Дух бодр и тверд возможет вся;
 По всей вселенной пронесется;
 Миров до края вознесется:
 Предмет его суть мы, не я.

34

Но страсти, изощряя злобу,
 Враждебный пламенник стрясут;
 Кинжал вонзить себе в утробу
 Народы пагубно влекут;
 Отца на сына воздвигают,
 Союзы бранны раздирают,
 В сердца граждан лиют боязнь;
 Рождается несытна власти
 Алчба, зиждущая напасти,
 Чтоб обществу устроить казнь.

¹ Восхитить – здесь: добыть.

35

Крутится вихрем громоносным,
Обвившись облаком густым,
Светилом озарясь поносным,
Сияньем яд прикрыт святым.
Зовя, прельщая, угрожая,
Иль казнь, иль мзду ниспосылая -
Се меч, се золото: избирай!
И, сев на камени ехидны,
Лестей облек в взор милостивый,
Шлет молнию из края в край.

36

Так Марий, Сулла, возмущивши
Спокойство шаткое римлян,
В сердцах пороки возродивши,
В наемну рать вместил граждан,
Ругаяся всем, что есть свято,
И то, что не было отнято,
У римлян откупить возмог;
Весы златые мзды позорной,
Предательству, убийству сродной,
Воздвиг нечестья средь чертог.

37

И се, скончав граждански брани
И свет коварством обольстив,
На небо простирая длани,
Тревожну вольность усыпив,
Чугунный скиптр обвил цветами,
Народы мнили – правят сами,
Но Август выю их давил;
Прикрыл хоть зверство добротою,
Вождаем мягкою душою;
Но царь когда бесстрастен был!

38

Сей был и есть закон природы,
 Неизменяемый никогда,
 Ему подвластны все народы,
 Незримо правит он всегда:
 Мучительство, стряся пределы,
 Отравы полны свои стрелы
 В себя, не ведая, вонзит;
 Равенство казнию восставит;
 Едину власть, вселясь, раздавит;
 Обидой право обновит.

39

Дойдешь до меты совершенство,
 В стезях препоны прескочив¹,
 В сожитии найдешь блаженство,
 Несчастных жребий облегчив,
 И паче солнца возблистаешь,
 О вольность, вольность! да скончаешь
 Со вечностью ты свой полет;
 Но корень благ твой истощится,
 Свобода в наглость превратится
 И власти под ярмом падет.

40

Да не дивимся превращенью,
 Которое мы в свете зрим;
 Всеобщему вослед стремленью
 Некосненно стремглав бежим.
 Огонь в связи со влагой спорит,
 Стихия в нас стихию борет,
 Начало тленьем тщится дать;
 Прекраснейше в миру творенье
 В веселии начнет рожденье
 На то, чтоб только умирать.

1 Препоны прескочив – преодолев препятствия на своем пути.

41

О вы! счастливые народы,
Где случай вольность даровал!
Блюдайте дар благой природы,
В сердцах что вечный начертал.
Се хлябь разверстая, цветами
Усыпанная, под ногами
У вас готова вас сглотить.
Не забывай ни на минуту,
Что крепость сил в немощность люту,
Что свет во тьму лъзя претворить.

42

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность попраана;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил.
Твоей я славе непричастен -
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл!

43

Но нет! где рок судил родиться,
Да будет там и дням предел;
Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я пел;
Да юноша, взалкавый славы,
Пришед на гробимой обветшалый,
Дабы со чувствием вещал:
„Под игом власти, сей рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал“.

44

И будет, вслед гремящей славы
 Направя бодрственно полет,
 На запад, юг, восток державы
 Своей ширить предел; но нет
 Тебе предела ниотколе,
 В счастливой ты ликуя доле, -
 Где ты явишься, там твой трон.
 Отечество мое драгое,
 На чреслах пояс сил в покое,
 В окрестность ты даешь закон.

45

Но дале чем источник власти,
 Слабее членов тем союз,
 Между собой все чужды части,
 Всех тяжесть ощущает уз.
 Лучу, истекшу от светила,
 Сопутствует и блеск и сила;
 В пространстве – он теряет мощь;
 В ключе – хотя не угасает,
 Но бег его ослабевает;
 Ползущего глотает ночь.

46

В тебе, когда союз прервется,
 Стончает мнений крепка власть;
 Когда закона твердь шатнется,
 Блюсти всяк будет свою часть;
 Тогда, растерзанно мгновенно,
 Тогда сложенье твое бренно,
 Содрогишься внутренне, падет,
 Но праха вихри не коснутся,
 Животны семена проснутся,
 Затускло солнце вновь даст свет.

47

Из недр развалины огромной,
Среди огней, кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы томной,
Что лютый дух властей возжег, -
Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормила
Украсят дружества венцом,
На пользу всех ладью направят
И волка хищного задавят,
Что чтит слепец своим отцом.

48

Но не пришла еще година,
Не совершились судьбы;
Вдали, вдали еще кончина,
Когда иссякнут все беды,
Встрещат заклепы тяжкой ночи;
Упруга власть, собрав все мочи,
Вкатяся, где потщится пасть,
Да грузным махом все раздавит,
И стражу к словеси приставит,
Да будет горшая напасть.

49

Влача оков несносно бремя,
В вертепе плача возревет
(Приидет вожделенно время),
На небо смертность воззовет;
Направленна к стези свободой,
Десную ополча природой,
Качнется в дол – и страх пред ней;
Тогда всех сил властей сложенье
Развеется в одно мгновенье.
О день избраннейший всех дней!

50

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества,
Трясутся вечна мрака своды,
Се миг рожденья вещества.
Се медленно и в стройном чине
Грядет зиждитель воедине -
Рекл – яркий свет пустил свой луч,
И, ложный плена скиптр поправши,
Стущенную тьму разогнавши,
Блестящий день родил из туч.

http://az.lib.ru/r/radishew_a_n/text_0020.shtml

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ (Отрывки)

„Чудище обло, озорно, огромно,
стозевно и лайй“.
„Тилемахида“,
том II, кн. XVIII. стих 514.¹

А. М. К.²

Любезнейшему другу.

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о! сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно – и ты мой друг.

Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блюдящего невинно сокрыла истину навеки? Ужели сия грозная мачеха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. „Отыми завесу с очей природного чувствования – и блажен буду „. Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и – веселие неизреченное! – я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благоденствии себе подобных. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрит; кто ради благой цели не опорочит

1 Обло. – тучно; озорно – нагло, пакостливо; лайй – лающее. Эпиграф – слегка измененный стих поэмы В. К. Тредиаковского „Тилемахида“ (1766). Привою слова, которыми поэт описывал одного из царей, злоупотреблявших властью, Радищев бросает вызов деспотическому русскому самодержавию.

2 А. М. К. – инициалы Алексея Михайловича Кутузова, товарища Радищева по Лейпцигскому университету, писателя, масона. Посвящение Кутузову – не только дань дружбы, но и акт полемики.

неудачное изображение мысли; кто состраждет со мною над бедствиями собратий своей; кто в шествии моем меня подкрепит, – не сугубый ли плод произойдет от подъятого мною труда?.. Почто, почто мне искать далеко кого-либо? Мой друг! Ты близ моего сердца живешь – и имя твое да озарит сие начало.

ВЫЕЗД

Отужинав с моими друзьями, я лег в кибитку. Ямщик, по обыкновению своему, поскакал во всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом. Расставаться трудно хотя на малое время с тем, кто нам нужен стал на всякую минуту бытия нашего. Расставаться трудно; но блажен тот, кто расстаться может не улыбаясь; любовь или дружба стрегут его, утешение. Ты плачешь, произнося прости; но вспомни о возвращении твоём, и да исчезнут слезы твои при сем воображении, яко роса пред лицом солнца. Блажен возрыдавший, надеясь на утешителя; блажен живущий иногда в будущем; блажен живущий в мечтании. Существо его усугубляется, веселия множатся, и спокойствие упреждает нахмуренность грусти, распложая образы радости в зеркалах воображения.

Я лежу в кибитке. Звон почтового колокольчика, наскучив моим ушам, призвал наконец благодетельного Морфея¹. Горесть разлуки моей, преследуя за мною в смертоподобное мое состояние, представила меня воображению моему уединенна. Я зрел себя в пространной долине, потерявшей от солнечного зноя всю приятность и пестроту зелености; не было тут источника на прохладение, не было древесныя сени на умерение зноя. Един, оставлен среди природы пустынный! Вострепетал.

- Несчастный, – возопил я, – где ты? Где девалося все, что тебя прельщало? Где то, что жизнь твою делало тебе приятною? Неужели веселости, тобою вкушенные, были сон и мечта? – По счастью моему случившаяся на дороге рытвина, в которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила. Кибитка моя остановилась. Приподнял я голову. Вижу: на пустом месте стоит дом в три жилья.

- Что такое? – ~ спрашивал я у повозчика моего.
- Почтовый двор.
- Да где мы?
- В Софии, – и между тем выпрягал лошадей.

¹ Кубарь – подобие волчка, юлы.

СОФИЯ

Повсюду молчание. Погруженный в размышлениях, не приметил я, что кибитка моя давно уже без лошадей стояла. Привезший меня извозчик извлек меня из задумчивости:

- Барин-батюшка, на водку! – Сбор сей хотя не законный, но охотно всякий его платит, дабы не ехать по указу. Двадцать копеек послужили мне в пользу. Кто ездил на почте, тот знает, что¹ есть сберегательное письмо, без которого всякому кошельку, генеральский, может быть, исключая, будет накладно. Вынув ее из кармана, я шел с нею, как ходят иногда для защиты своей со крестом.

Почтового комиссара нашел я хряпящего; легонько взял его за плечо.

- Кого черт давит? Что за манер выезжать из города ночью. Лошадей нет; очень еще рано; взойди, пожалуй, в трактир, выпей чаю или усни. – Сказав сие, г. комиссар отворотился к стене и паки² захрапел. Что делать? Потряс я комиссара опять за плечо.

- Что за пропасть, я уже сказал, что нет лошадей, – и, обернув голову одеялом, г. комиссар от меня отворотился.

„Если лошади все в разгоне, – размышлял я, – то несправедливо, что я мешаю комиссару спать. А если лошади в конюшне...“ Я вознамерился узнать, правду ли г. комиссар говорил. Вышел на двор, сыскал конюшню и нашел в оной лошадей до двадцати; хотя, правду сказать, кости у них были видны, но меня бы дотащили до следующего стана. Из конюшни я опять возвратился к комиссару; потряс его гораздо покрепче. Казалось мне, что я к тому имел право, нашед, что комиссар солгал. Он второпях вскочил и, не продрав еще глаз, спрашивал:

- Кто приехал? Не... – Но, опомнившись, увидя меня, сказал мне: – Видно, молодец, ты обык так обходиться с прежними ямщиками. Их бивали палками; но ныне не прежняя пора. – Со гневом г. комиссар лег спать в постелю. Мне его так же хотелось попотчевать, как прежних ямщиков, когда они в обмане приличались³, но щедрость моя, давая на водку городскому повозчику, побудила софийских ямщиков запрячь мне поскорее лошадей, и в самое-то время, когда я намерялся сделать преступление на спине комиссарской, зазвенел на дворе колокольчик. Я пребыл добрый гражданин. Итак, двадцать медных копеек избавили миролюбивого человека от следствия, детей моих от примера невоздержания во гневе, и я узнал, что рассудок есть раб нетерпеливости.

1 Подорожная – документ на получение почтовых лошадей.

2 Паки – опять, снова.

3 Приличались – уличались.

Лошади меня мчат; извозчик мой затынул песню, по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. Все почти голоса таковых песен суть тону мягкого. На сем музыкальном расположении народного уха умеи учреждать бразды правления. В них найдешь образование души нашего народа. Посмотри на русского человека; найдешь его задумчива. Если захочет разогнать скуку или, как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что-либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. Бурлак, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обагранный кровию от оплеух, многое может решить доселе гадательное в истории, российской.

Извозчик мой поет. Третий был час пополуночи. Как прежде колокольчик, так теперь его песня произвела опять во мне сон. О природа, объяв человека в пелены скорби при рождении его, влача его по строгим хребтам боязни, скуки и печали чрез весь его век, дала ты ему в отраду сон. Уснул, и все скончалось. Несносно пробуждение несчастному. О, сколь смерть для него приятна. А есть ли она конец скорби? – Отче всеблагий, неужели отворишь взоры свои от скончающегося бедственное житие свое мужественно? Тебе, источнику всех благ, приносится сия жертва. Ты един даешь крепость, когда естество трепещет, содрогается. Се глас отчий, взывающий к себе свое чадо. Ты жизнь мне дал, тебе ее и возвращаю; на земли она стала уже бесполезна.

ТОСНА

Поехавши из Петербурга, я воображал себе, что дорога была наилучшая. Таковую ее почитали все те, которые ездили по ней вслед государя. Такова она была действительно, но – на малое время. Земля, насыпанная на дороге, сделал ее гладкою в сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лета и сделала ее непроходимую... Обеспокоен дурною дорогою, я, встав из кибитки, вошел в почтовую избу, в намерении отдохнуть. В избе нашел я проезжающего, который, сидя за обыкновенным длинным крестьянским столом в переднем углу, разбирал бумаги и просил почтового комиссара, чтобы ему поскорее велел дать лошадей. На вопрос мой – кто он был? – узнал я, что то был старого покрово стряпчий, едущий в Петербург с великим множеством изодранных бумаг, которые он тогда разбирал. Я немедля вступил с ним в разговор, и вот моя с ним беседа:

- Милостивый государь! Я, низжайший ваш слуга, быв регистратором при разрядном архиве¹, имел случаи употребить место мое себе в пользу. Посильными моими трудами я собрал родословную, на ясных доводах утвержденную, многих родов российских. Я докажу княжеское или благородное их происхождение за несколько сот лет. Я восстановлю не редкого в княжеское достоинство, показав от Владимира Мономаха или от самого Рюрика его происхождение.

- Милостивый государь! – продолжал он, указывая на свои бумаги. – Все великороссийское дворянство долженствовало бы купить мой труд, заплатя за него столько, сколько ни за какой товар не платят. Но с дозволения вашего высокородия, благородия или высокоблагородия, не ведаю, как честь ваша, они не знают, что им нужно. Известно вам, сколько блаженный памяти благоверный царь Федор Алексеевич российское дворянство обидел, уничтожив местничество². Сие строгое законоположение поставило многие честные княжеские и царские роды наравне с новгородским дворянством³. Но благоверный же государь император Петр Великий совсем привел их в затмение своею табелью о рангах⁴. Открыл он путь чрез службу военную и гражданскую всем к приобретению дворянского титула и древнее дворянство, так сказать, затоптал в грязь. Ныне всемилостивейше царствующая наша мать утвердила прежние указы высочайшим о дворянстве положением, которое было всех степенных наших востревожило, ибо древние роды поставлены в дворянской книге ниже всех⁵. Но слух носится, что в дополнение вскоре издан будет указ и тем родам, которые дворянское свое происхождение докажут за 200 или 300 лет, приложится титуло маркиза или другое знатное, и они пред другими родами будут иметь некоторую отличность. По сей причине, милостивейший государь! труд мой должен весьма быть приятен всему древнему благородному обществу; но всяк имеет своих злодеев.

В Москве завернулся я в компанию молодых господчиков и предложил им мой труд, дабы благосклонностию их возвратить хотя истраченную бумагу и чернила; но вместо благоприятства попал в посмеяние и, с горя оставив столичный сей град, вдался пути до Питера, где, известно, гораздо больше просвещения.

1 Разрядный архив – хранилище родословных документов боярства и дворянства.

2 С уничтожением местничества при царе Федоре Алексеевиче (1661-1682) началось назначение на государственные должности в зависимости от личных заслуг и достоинств, а не от древности и заслуг фамилии, рода.

3 Новгородское дворянство вело свою родословную с момента разгрома Новгорода Иваном Грозным (1570) и было сравнительно небогато.

4 Табель о рангах – система чинов, утвержденная Петром I (1722). Согласно ей, дворянское звание давалось за выслугу.

5 Часть родовитых дворян не была удовлетворена екатерининской „Жалованной грамотой дворянству“ (1785), которая в целом расширяла привилегии помещиков.

Сказав сие, поклонился мне об руку и, вытянувшись прямо, стоял передо мною с величайшим благоговением. Я понял его мысль, вынул из кошелька... и, дав ему, советовал, что, приехав в Петербург, он продал бы бумагу свою на вес разносчикам для обертки; ибо мнимое маркизство скружить может многим голову, и он причиною будет возрождению истребленного в России зла – хвастовства древняя породы.

ЛЮБАНИ

Зимою ли я ехал или летом, для вас, думаю, равно. Может быть, и зимою и летом. Нередко то бывает с путешественниками: поедут на санях, а возвращаются на телегах. – Летом. Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я вылез из кибитки и пошел пешком. Лежа в кибитке, мысли мои обращены были в неизмеримость мира. Отделялся душевно от земли, казалось мне, что удары кибиточные были для меня легче. Но упражнения духовные не всегда нас от телесности отвлекают; и для сохранения боков моих пошел я пешком. В нескольких шагах от дороги увидел я пашущего ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрел я на часы. Первого сорок минут. Я выехал в субботу. Сегодня праздник. Пашущий крестьянин принадлежит, конечно, помещику, который оброку с него не берет. Крестьянин пашет с великим тщанием. Нива, конечно, не господская. Соху поворачивает с удивительною легкостью.

- Бог в помощь, – сказал я, подошед к пахарю, который, не останавливаясь, доканчивал зачатую борозду. – Бог в помощь, – повторил я.

- Спасибо, барин, – говорил мне пахарь, отряхая сошник и перенося соху на новую борозду.

- Ты, конечно, раскольник, что пашешь по воскресеньям?

- Нет, барин, я прямым крестом крещусь, – сказал он, показывая мне сложенные три перста. – А бог милостив, с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья.

- Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и в самый жар?

- В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечером возим вставшее в лесу сено на господский двор, коли погода хороша; а бабы и девки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды. Дай бог, – крестясь, – чтоб под вечер сегодня дождик пошел. Барин, коли есть у тебя свои мужички, так они того же у господина молят.

- У меня, мой друг, мужиков нет, и для того никто меня не клянет. Велика ли у тебя семья?

- Три сына и три дочки. Первинькому-то десятый годок.

- Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным?

- Не одни праздники, и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет. Видишь ли, одна лошадь отдыхает; а как эта устанет, возьмусь за другую; дело-то и споро.

- Так ли ты работаешь на господина своего?

- Нет, барин, грешно бы было так же работать. У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две для семи ртов, сам ты счет знаешь. Да хотя растянишь на барской работе, то спасибо не скажут. Барин подушных¹ не заплатит; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступит. То ли житье нашему брату, как где барин оброк берет с крестьянина, да еще без приказчика. Правда, что иногда и добрые господа берут более трех рублей с души; но все лучше барщины. Ныне еще поверье заводится отдавать деревни, как то называется, на аренду. А мы называем это отдавать головой. Гольный наемник {Наемник – помещик-арендатор, приобретающий за плату во временное владение имение с крепостными крестьянами.} дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам не оставляет. Зимой не пускает в извоз, ни в работу в город; все работай на него, для того что он подушные платит за нас. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурного приказчика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому?²

- Друг мой, ты ошибаешься, мучить людей законы запрещают.

- Мучить? Правда; но небось, барин, не захочешь в мою кожу. – Между тем пахарь. запряг другую лошадь в соху и, начав новую борозду, со мною простился.

Разговор сего земледельца возбудил во мне множество мыслей. Первое представилось мне неравенство крестьянского состояния. Сравнил я крестьян казенных с крестьянами помещичьими. Те и другие живут в деревнях; но одни платят известное, а другие должны быть готовы платить то, что господин хочет. Одни судятся своими равными; а другие в законе мертвы, разве по делам уголовным. Член общества становится только тогда известен правительству, его охраняющему, когда нарушает союз общественный³, когда становится злодей! Сия мысль всю кровь во мне воспалила.

1 Подушные – подушный государственный налог, которым облагалось мужское население, кроме дворян, духовенства и чиновников.

2 По указу Екатерины (1769) крестьяне не имели даже права жаловаться на помещиков под угрозой ссылки на каторгу.

3 Радищев, как и другие философы XVIII века, считал, что государство возникло путем добровольного соглашения людей.

- Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение.

Углубленный в сих размышлениях, я нечаянно обратил взор мой на моего слугу, который, сидя на кибитке передо мной, качался из стороны в сторону. Вдруг почувствовал я быстрый мраз, протекающий кровью мою, и, прогоняя жар к вершинам, нудил его распространяться по лицу. Мне так стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакал.

- Ты во гневе твоём, – говорил я сам себе, – устремляешься на гордого господина, изнуряющего крестьянина своего на ниве своей; а сам не то же ли или еще хуже того делаешь? Какое преступление сделал бедный твой Петрушка, что ты ему воспрещаешь пользоваться усладителем наших бедствий, величайшим даром природы несчастному – сном? Он получает плату, сыт, одет, никогда я его не секу ни плетью, ни батожем (о умеренный человек!) – и ты думаешь, что кусок хлеба и лоскут сукна тебе дают право поступать с подобным тебе существом как с кубарем¹, и тем ты только хвастаешь, что не часто подсекаешь его в его вертении. Ведаешь ли, что в первенственном уложении, в сердце каждого написано? Если я кого ударю, тот и меня ударить может. Вспомни тот день, когда Петрушка пьян был и не успел тебя одеть. Вспомни о его пощечине. О, если бы он тогда, хотя пьяный, опомнился и тебе отвечал бы соразмерно твоему вопросу!

- А кто тебе дал власть над ним?

- Закон.

- Закон? И ты смеешь поносить сие священное имя? Несчастный!.. – Слезы потекли из глаз моих; и в таком положении почтовые клячи дотащили меня до следующего стана.

...

ЗАЙЦОВО

В Зайцове на почтовом дворе нашел я давнышнего моего приятеля г. Крестьянкина. Я с ним знаком был с ребячества. Редко мы бывали в одном городе; но беседы наши, хотя не часты, были, однако же, откровенны. Г. Крестьянкин долго находился в военной службе и, наскучив жестокостями оной, а особливо во время войны, где великие насилия именем права войны прикрываются, перешел в статскую. По

¹ Кубарь – подобие волчка, юлы.

несчастью его, и в статской службе не избегнул того, от чего, оставляя военную, удалиться хотел. Душу он имел очень чувствительную и сердце человеколюбивое. Догнанные его столь превосходные качества доставили ему место председателя уголовной палаты. Сперва не хотел он на себя принять сего звания, но, помыслив несколько, сказал он мне:

- Мой друг, какое обширное поле отверзается мне на удовлетворение любезнейшей склонности моя души! Какое упражнение для мягкосердия! Сокрушим скипетр жестокости, который столь часто тягчит рамена невинности; да опустеют темницы и да не узрит их оплоштивная слабость, нерадивая неопытность, и случай во злодеяние да не вменится николи. О мой друг! Исполнением моя должности источу слезы родителей о чадах, воздыхания супругов; но слезы сии будут слезы обновления во благо; но иссякнут слезы страждущей невинности и простодушия. Коликe мысль сия меня восхищает. Пойдем, ускорим отъезд мой. Может быть, скорое прибытие мое там нужно. Замедля, могу быть убийцею, не предупреждая заключения или обвинения прошением или разрешением от уз.

С таковыми мыслями поехал приятель мой к своему месту. Сколь же много удивился я, узнав от него, что он оставил службу и намерен жить всегда в отставке.

- Я думал, мой друг, – говорил мне г. Крестьянкин, – что услаждающую рассудок и обильную найду жатву в исполнении моя должности. Но вместо того нашел я в оной желчь и терние. Теперь, наскучив оною, не в силах будучи делать добро, оставил место истинному хищному зверю. В короткое время он заслужил похвалу скорым решением залежавшихся дел; а я прослыл копотким. Иные почитали меня иногда мздоимцем за то, что не спешил отягчить жребия несчастных, выпадающих в преступление нередко поневоле. До вступления моего в статскую службу приобрел я лестное для меня название человеколюбивого начальника. Теперь самое то же качество, коим сердце мое толико гордилось, теперь почитают послаблением или непозволительною поноворкою¹. – Видел я решения мои осмеянными в том самом, что их изящными делало; видел их оставляемыми без действия. С презрением взирал, что для освобождения действительного злодея и вредного обществу члена или дабы наказать мнимые преступления лишением имени, чести, жизни начальник мой, будучи не в силах меня преклонить на незаконное очищение злодейства или обвинение невинности, преклонял к тому моих сочленов, и нередко я видел благие мои расположения исчезающими,

¹ Поноворка – потворство.

яко дым в пространстве воздуха. Они же, во мзду своего гнусного послушания, получили почести, кои в глазах моих столь же были тусклы, сколь их прельщали своим блеском. Нередко в затруднительных случаях, когда уверение в невинности названного преступником меня побуждало на мягкосердие, я прибежал к закону, дабы искати в нем подпору моей нерешимости; но часто в нем находил вместо человеколюбия жестокость, которая начало свое имела не в самом законе, но в его обветшалости. Несоразмерность наказания преступлению часто извлекала у меня слезы. Я видел (да и может ли быть иначе), что закон судит о деяниях, не касался причин, оные производивших. И последний случай, к таковым деяниям относящийся, понудил меня оставить службу. Ибо, не возмогши спасти виновных, мощною судьбы рукою в преступление вовлеченных, я не хотел быть участником в их казни. Не возмогши облегчить их жребия, омыл руки мои в моей невинности и удалился жестокосердия.

В губернии нашей жил один дворянин, который за несколько уже лет оставил службу. Вот его послужной список. Начал службу свою при дворе истопником, произведен лакеем, камер-лакеем, потом мундшенком¹, какие достоинства надобны для прехождения сих степеней придворныя службы, мне неизвестно. Но знаю то, что он вино любил до последнего издыхания. Пробыв в мундшенках лет 15, отослан был в герольдию¹, для определения по его чину. Но он, чувствуя свою неспособность к делам, выпросился в отставку и награжден чином коллежского асессора, с которым он приехал в то место, где родился, то есть в нашу губернию, лет шесть тому назад. Отличная привязанность к своей отчизне нередко основание имеет в тщеславии. Человек низкого состояния, добившийся в знатность, или бедняк, приобретший богатство, сотрясши всю стыдливости застенчивость, последний и слабейший корень добродетели, предпочитает место своего рождения на распростертие своя пышности и гордыни. Там скоро асессор нашел случай купить деревню, в которой поселился с немалою своею семьею. Если бы у нас родился Гогард³, то бы обильное нашел поле на карикатуры в семействе г. асессора. Но я худой живописец; или если бы я мог в чертах лица читать внутренности человека с Лаватеровою пронизательностью, то бы и тогда картина асессоровой семьи была примечания достойна. Не имея сих свойств, заставлю вещать их деяния, кои всегда истинные суть черты душевного

1 Камер-лакей – старший придворный лакей. Мундшенк – придворный служитель, ведающий напитками (виночерпий).

2 Герольдия – учреждение, ведавшее делами о дворянах, чиновниках, титулах, гербах.

3 Гогард (Хогарт) Уильям (1697-1764) – английский живописец и гравер, сатирик.

образования. Г. ассессор, произошел из самого низкого состояния, зрел себя повелителем нескольких сотен себе подобных. Сие вскружило ему голову. Не один он жаловаться может, что употребление власти вскружает голову. Он себя почел высшего чина, крестьян почитал скотами, данными ему (едва не думал ли он, что власть его над ними от бога проистекает), да употребляет их в работу по произволению. Он был корыстолюбив, копил деньги, жесток от природы, вспыльчив, подл, а потому над слабейшими его надменен. Из сего судить можешь, как он обходился с крестьянами. Они у прежнего помещика были на оброке, он их посадил на пашню; отнял у них всю землю, скотину всю у них купил по цене, какую сам определил, заставил работать всю неделю на себя, а дабы они не умирали с голоду, то кормил их на господском дворе, и то по одному разу в день, а иным давал из милости месячину¹. Если который казался ему ленив, то сек розгами, плетьюми, батожем или кошками², смотря по мере лености; за действительные преступления, как то – кражу не у него, но у посторонних, не говорил ни слова. Казалось, будто хотел в деревне своей возобновить нравы древнего Лакедемона³ или Запорожской сечи. Случилось, что мужики его для пропитания на дороге ограбили проезжего, другого потом убили. Он их в суд за то не отдал, но скрыл их у себя, объявля правительству, что они бежали; говоря, что ему прибыли не будет, если крестьянина его высекут кнутом и сошлют в работу за злодеяние. Если кто из крестьян что-нибудь украл у него, того он сек как за леность или за дерзкий или остроумный ответ, но сверх того надевал на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатку. Много бы мог я тебе рассказать его мудрых распоряжений; но сего довольно для познания моего ироя⁴. Сожительница его полную власть имела над бабами.

Помощниками в исполнении ее велений были ее сыновья и дочери, как то и у ее мужа. Ибо сделали они себе правилом, чтобы ни для какой нужды крестьян от работы не отвлекать. Во дворе людей было один мальчик, купленный им в Москве, парикмахер дочернин да повариха-старуха. Кучера у них не было, ни лошадей; разъезжал всегда на пахотных лошадях. Плетьюми или кошками секли крестьян сами сыновья. По щекам били или за волосы таскали баб и девок дочери. Сыновья в свободное время ходили по деревне или в поле играть и бесчинничать с девками и бабами, и никакая не избегала их насилия. Дочери, не имея женихов, вымещали свою скуку над прядильницами, из которых они многих изувечили.

1 Месячина – ежемесячная выдача продуктов натурой безземельным крестьянам.

2 Кошка – многохвостая плеть из смоленной пеньки или сыромятных ремней.

3 Древний Лакедемон (Спарта) – греческий рабовладельческий город-государство. Общественной моралью Спарты особенно ценились личная инициатива, предприимчивость.

4 Ирой – герой.

Суди сам, мой друг, какой конец мог быть таковым поступкам. Я заметил из многочисленных примеров, что русский народ очень терпелив и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость. Сие самое и случилось с ассессором. Случай к тому подал неистовый и беспутный или, лучше сказать, зверский поступок одного из его сыновей.

В деревне его была крестьянская девка, недурна собою, сговоренная за молодого крестьянина той же деревни. Она понравилась среднему сыну ассессора, который употребил все возможное, чтобы ее привлечь к себе в любовь; но крестьянка верна пребывала в данном жениху ее обещании, что хотя редко в крестьянстве случается, но возможно. В воскресенье должно было быть свадьбе. Отец жениха, по введенному у многих помещиков обычаю, пошел с сыном на господский двор и понес повенечные¹ два пуда меду к своему господину. Сию-то последнюю минуту дворянчик и хотел употребить на удовлетворение своей страсти. Взял с собой обоих своих братьев и, вызвав, невесту чрез постороннего мальчика на двор, потащил ее в клеть, зажав ей рот. Не будучи в силах кричать, она сопротивлялась всеми силами зверскому намерению своего молодого господина. Наконец, превозможенная всеми тремя, принуждена была уступить силе; и уже сие скаредное чудовище начал исполнением умышленное, как жених, возвратившись из господского дома, вошел на двор и, увидя одного из господчиков у клетки, усумнился о их злом намерении. Кликнув отца своего к себе на помощь, он быстрее молнии полетел ко клетю. Какое зрелище представилося ему. При его приближении затворилась клеть; но совокупные силы двух братьев немощны были удержать стремления разъяренного жениха. Он схватил близлежащий кол и, вскопча в клеть, ударил вдоль спины хищника своей невесты. Они было хотели его схватить, но, видя отца женихова, бегущего с колом же на помощь, оставили свою добычу, выскочили из клетки и побежали. Но жених, догнав одного из них, ударил его колом по голове и ее проломил.

Сии злодеи, желая отмстить свою обиду, пошли прямо к отцу и сказали ему, что, ходя по деревне, они встретились с невестою, с ней пошутили; что, увидя, жених ее начал их бить, будучи вспомогаем своим отцом. В доказательство показывали проломленную у одного из братьев голову. Раздраженный до внутренности сердца болезнию своего рождения, отец воскипел гневом ярости. Немедля велел привести пред себя всех трех злодеев – так он называл жениха, невесту и отца

¹ Повенечные – оброк, уплачиваемый помещику за разрешение вступить в брак.

женихова. Представшим им пред него первый вопрос его был о том, кто проломил голову его сыну. Жених в сделанном не отперся, рассказав все происшествие.

„Как ты дерзнул, – говорил старый ассессор, – поднять руку на твоего господина? А хотя бы он с твоею невестою и ночь переспал накануне твоя свадьба, то ты ему за это должен быть благодарен. Ты на ней не женишься; она у меня останется в доме, а вы будете наказаны“.

По таковом решении жениха велел он сечь кошками немилосердо, отдав его в волю своих сыновей. Побои вытерпел он мужественно; неробким духом смотрел, как начали над отцом его то же производить истязание. Но не мог вытерпеть, как он увидел, что невесту господские дети хотели вести в дом. Наказание происходило на дворе. В одно мгновение выхватил он ее из рук ее похищающих, и освобожденные побежали оба со двора. Сие видя, барские сыновья перестали сечь старика и побежали за ними в погоню. Жених, видя, что они его настичь начали, выхватил заборину и стал защищаться. Между тем шум привлек других крестьян ко двору господскому. Они, соболезнуя о участи молодого крестьянина и имея сердце озлобленное против своих господ, его заступили. Видя сие, ассессор, подбежав сам, начал их бранить и первого, кто встретился, ударил своею тростию столь сильно, что упал бесчувствен на землю. Сие было сигналом к общему наступлению. Они окружили всех четверых господ и, коротко сказать, убили их до смерти на том же месте. Толико ненавидели они их, что ни один не хотел миновать, чтобы не быть участником в сем убийстве, как то они сами после призналися.

В самое то время случилось ехать тут исправнику той округи с командою. Он был частию очевидным свидетелем сему происшествию. Взяв виновных под стражу, а виновных было половина деревни, произвел следствие, которое постепенно дошло до уголовной палаты. Дело было выведено очень ясно, и виновные во всем призналися, в оправдание свое приводя только мучительские поступки своих господ, о которых уже вся губерния была известна. Таковому делу я обязан был по долгу моего звания положить окончательное решение, приговорить виновных к смерти и вместо оной к торговой казни¹ и вечной работе.

Рассматривая сие дело, я не находил достаточной и убедительной причины к обвинению преступников. Крестьяне, убившие господина своего, были смертоубийцы. Но смертоубийство сие не было ли принужденно? Не причиною ли оногo сам убитый ассессор? Если в арифметике из двух данных чисел третье следует непрекословно, то и в сем происшествии следствие было необходимо.

¹ Торговая казнь – телесные наказания (чаще – кнутом) на городских торговых площадях.

Невинность убийц, для меня по крайней мере, была математическая ясность. Если, идущу мне¹, нападёт на меня злодей и, вознесши над головою моею кинжал, восхочет меня им пронзить, – убийцею ли я почтуса, если я предупреджу его в его злодеянии и бездыханного его к ногам моим повергну? Если нынешнего века скосырь², привлекая на себя презрение, восхочет оное на мне отомстить и, встретясь со мною в уединенном месте, вынудив шпагу, сделает на меня нападение, да лишит меня жизни или по крайней мере да уязвит меня, – виновен ли я буду, если, извлекши мой меч на защищение мое, я избавлю общество от тревожащего спокойствия его члена? Можно ли почесть деяние оскорбляющим сохранность члена общественного, если я исполню его для моего спасения, если оно предупредит мою пагубу, если без того благосостояние мое будет плачевно навеки?

Исполнен таковыми мыслями, можешь сам вообразить терзание души моей при рассмотрении сего дела. С обыкновенною откровенностью сообщил я мои мысли моим сочленам. Все возопило против меня единым гласом. Мягкосердие и человеколюбие почитали они виновным защищением злодеяний; называли меня поощрителем убийства; называли меня сообщником убийцей. По их мнению, при распространении моих вредных мнений исчезнет домашняя сохранность. Может ли дворянин, говорили они, отныне жить в деревне покоен? Может ли он видеть веления его исполняемы? Если ослушники воли господина своего, а паче его убийцы невинными признаваемы будут, то повинование прервется, связь домашняя рушится, будет паки хаос, в начальных обществах обитающий. Земледелие умрет, орудия его сокрушатся, нива запустеет и бесплодным порастет злаком; поселяне, не имея над собою власти, скитаться будут в лености, тунеядстве и разьидутся. Города почувствуют властнодержавную десницу разрушения. Чуждо будет гражданам ремесло, рукоделие скончает свое прилежание и рачительность, торговля иссякнет в источнике своем, богатство уступит место скаредной нищете, великолепнейшие здания обветшают, законы затмятся и порастут недействительностию. Тогда огромное сложение общества начнет валиться на части и издыхати в отдаленности от целого; тогда престол царский, где ныне опора, крепость и сопряжение общества зиждутся, обветшает и сокрушится; тогда владыка народов почтется простым гражданином, и общество узрит свою кончину. Сию достойную адския кисти картину тщилися мои сотоварищи предлагать взорам всех, до кого слух о сем деле доходил.

1 Идущу мне – когда я иду.

2 Скосырь – наглец, щеголь.

„Председателю нашему, – вещали они, – сродно защищать убийство крестьян. Спросите, какого он происхождения? Если не ошибаемся, он сам в молодости своей изволил ходить за сохою. Всегда новостатейные сии дворянчики странные имеют понятия о природном над крестьянами дворянском праве. Если бы от него зависело, он бы, думаем, всех нас поверстал в однодворцы¹, дабы тем уравнять с нами свое происхождение“.

Таковыми-то словами мнили сотоварищи мои оскорбить меня и ненавистным сделать всему обществу. Но сим не удовольствовались. Говорили, что я принял мзду от жены убитого асессора, да не лишится она крестьян своих отсылкою их в работу, и что сия-то истинная была причина странным и вредным моим мнениям, право всего дворянства вообще оскорбляющим. Несмысленные думали, что посмеяние их меня уязвит, что клевета поругает, что лживое представление доброго намерения от оного меня отвлечет! Сердце мое им было неизвестно. Не знали они, что нетрепетен всегда предстою собственному моему суду, что ланиты мой не рдели багровым румянцем совести.

Мздоимство мое основали они на том, что асессорша за мужнину смерть мстить не желала, а, сопровождаема своею корыстию и следуя правилам своего мужа, желала крестьян избавить от наказания, дабы не лишиться своего имени, как то она говорила. С таковою просьбою она приезжала и ко мне. На прощение за убиение ее мужа я с ней был согласен; но разнствовали мы в побуждениях. Она уверяла меня, что сама довольно их накажет; а я уверял ее, что, оправдывая убийцев ее мужа, не надлежало их подвергать более той же крайности, дабы паки не были злодеями, как то их называли несвойственно.

Скоро наместник известен стал о моем по сему делу мнении, известен, что я старался преклонить сотоварищей моих на мои мысли и что они начинали колебаться в своих рассуждениях, к чему, однако же, не твердость и убедительность моих доводов способствовали, но деньги асессорши. Будучи сам воспитан в правилах неоспоримой над крестьянами власти, с моими рассуждениями он не мог быть согласен и вознегодовал, усмотрев, что они начинали в суждении сего дела преимуществовать, хотя ради различных причин. Посылает он за моими сочленами, увещевает их, представляет гнусность таких мнений, что они оскорбительны для дворянского общества, что оскорбительны для верховной власти, нарушая ее законоположения; обещает награждение исполняющим

¹ Однодворцы – владельцы небольшого земельного участка, одного двора, частью – дворяне, потомки служилых, частью – государственные крестьяне.

закон, претя мщением не повинующимся оному; и скоро сих слабых судей, не имеющих ни правил в размышлениях, ни крепости духа, преклоняет на прежние их мнения. Не удивился я, увидев в них перемену, ибо не дивился и прежде в них воспоследовавшей. Сродно хвильм, робким и подлым душам содрогаться от угрозы власти и радоваться ее приветствию.

Наместник наш, превратив¹ мнения моих сотоварищей, вознамерился и ласкал себя, может быть, превратить и мое. Для сего намерения позвал меня к себе поутру в случившийся тогда праздник. Он принужден был меня позвать, ибо я не хаживал никогда на сии безрассудные поклонения, которые гордость почитает в подчиненных должностию, лесть нужными, а мудрец мерзительными и человечеству поносными. Он избрал нарочно день торжественный, когда у него много людей было в собрании; избрал нарочно для слова своего публичное собрание, надеясь, что тем разительнее убедит меня. Он надеялся найти во мне или боязнь души, или слабость мыслей. Против того и другого устремил он свое слово. Но я за нужное не нахожу пересказывать тебе все то, чем надменность, ощущение власти и предубеждение к своему проницанию и учености одушевляло его витийство. Надменности его отвечивал я равнодушием и спокойствием, власти непоколебимостию, доводам доводами и долго говорил хладнокровно. Но наконец содрогшееся сердце разлило свое избыточество. Чем больше видел я угождения в предстоящих, тем порывистее становился мой язык. Незыблемым гласом и звонким произношением возопил я наконец сице²:

„Человек родится в мир равен во всем другому. Все одинаковые имеем члены, все имеем разум и волю. Следственно, человек без отношения к обществу есть существо, ни от кого не зависящее в своих деяниях. Но он кладет оным преграду, согласуется не во всем своей единой повиноваться воле, становится послушен велениям себе подобного, словом, становится гражданином. Какая же ради вины обуздывает он свои хотения? Почто поставляет над собою власть? Почто, беспределен в исполнении своей воли, послушания чертою оную ограничивает? Для своей пользы, скажет рассудок; для своей пользы, скажет внутреннее чувство; для своей пользы, скажет мудрое законоположение. Следственно, где нет его пользы быть гражданином, там он и не гражданин.

1 Превратив – повернув, изменив, переломив.

2 Сице – так.

Следственно, тот, кто восхощет его лишить пользы гражданского звания, есть его враг. Против врага своего он защиты и мщения ищет в законе. Если закон или не в силах его заступить, или того не хочет, или власть его не может мгновенное в предстоящей беде дать вспомоществование, тогда пользуется гражданин природным правом защищения, сохранности, благосостояния. Ибо гражданин, становясь гражданином, не перестает быть человеком, коего первая обязанность, из сложения его происходящая, есть собственная сохранность, защита, благосостояние. Убиенный крестьянами асессор нарушил в них право гражданина своим зверством. В то мгновение, когда он потакал насилию своих сыновей, когда он к болезни сердечной супругов присовокуплял поругание, когда на казнь подвигался, видя сопротивление своему адскому властвованию, – тогда закон, стрегущий гражданина, был в отдаленности, и власть его тогда была неощутительна; тогда возрождался закон природы, и власть обиженного гражданина, не отъемлемая законом положительным в обиде его, приходила в действительность; и крестьяне, убившие зверского асессора, в законе обвинения не имеют. Сердце мое их оправдает, опираясь на доводах рассудка, и смерть асессора, хотя насильственная, есть правильна. Да не возмнит кто-либо искать в благоразумии политики, в общественной тишине довода к осуждению на казнь убиенцев в злобе дух испутившего асессора. Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему ни судило, есть и пребудет всегда человек; а доколе он человек, право природы, яко обильный источник благ, в нем не иссякнет никогда; и тот, кто дерзнет его уязвить в его природной и ненарушимой собственности, тот есть преступник. Горе ему, если закон гражданский его не накажет. Он замечен будет чертою мерзения в своих согражданах, и всяк, имея довольно сил, да отметит на нем обиду, им соделанную“.

Умолк. Наместник не говорил мне ни слова; изредка подымал на меня поникшие взоры, где господствовала ярость бессилия и мести злоба. Все молчали в ожидании, что, оскорбитель всех прав, я взят буду под стражу. Изредка из уст раболепия слышалось журчание негодования. Все отвращали от меня свои очи. Казалось, что близстоящих меня объял ужас. Неприметно удалились они, как от зараженного смертоносною язвою. Наскучив зрелищем толикого смещения гордыни с низжайшею подлостью, я удалился из сего собрания льстецов.

Не нашед способов спасти невинных убийц, в сердце моем оправданных, я не хотел быть ни сообщником в их казни, ниже оной свидетелем; подал прошение об отставке и, получив ее, еду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянского

состояния и услаждать мою скуку обхождением с друзьями. – Сказав сие, мы расстались и поехали всяк в свою сторону.

...

http://az.lib.ru/r/radishew_a_n/text_0010.shtml

